

в этой связи заметил, что «созрел не только запрос на идеологию и моральную политику», но и этот запрос «надо реализовать в рамках долгосрочной идеологической концепции». Действительно, социальный запрос на будущую модель созрел. И этот запрос очевиден идеологический. Но с тех пор практически так ничего и не изменилось, хотя прошедшие годы только подтвердили актуальность задачи¹⁵.

Этот вопрос прямо связан с выбором и распределением средствами достижения поставленных целей. Формулируя правильную, адекватную времени цель, мы, как правило, уже вплотную подходим к правильному выбору **средств её достижения**. Не удивительно, что, не сформулировав такой цели, предлагаемые средства модернизировать Россию оказываются неэффективными. Кризисные 2008–2010 годы показали, что отсутствие внятной идеологии развития НЧП привело в условиях кризиса к провалу социально-экономической и промышленной политики, и сильной зависимости извне. В те же годы Китай, Индия, Германия, Бразилия и ряд других стран успешно развивались.

Так, увеличивать ВВП можно по-разному. И, привычно, за счет продажи ресурсов или высоких темпов инфляции. Тогда мы увидим бешеные темпы роста ВВП, но стагнацию в инновациях. И за счет роста качества НЧП, в частности, образования. По некоторым оценкам, повышении продолжительности образования на один год ведет к увеличению ВВП на 5–15%¹⁶. Сомневаюсь, что это так, тем более, что нужно время для появления результата. Но, все же... Интересно, а сколько бы значил ВВП России, если бы выделенные банкам, госкорпорациям и другим институтам во время кризиса триллионы (!) рублей были потрачены на развитие НЧП (увеличение спроса, конечное потребление, образование, науку, культуру, разработку собственных технологий)?

Россия, миновав системный кризис, стала, как сказал Д. Медведев, в 2007 году «другой страной»¹⁷. Но вот какой? — вопрос остается до сих пор открытым. Еще труднее дается вот уже более четырех лет ответ на

вопрос: **какую** Россию мы хотим в будущем? Налицо **политико-идеологическая стагнация**, продолжающаяся, как минимум, с 2007 года по настоящее время. Прошли парламентские и президентские выборы, были выдвинуты и забыты концепции и стратегии, но, приходится признать, что **реального движения нет**. Буксует не только идея модернизации и инновации, хотя Д. Медведев и В. Путин за эти годы выдвинули сотни инициатив, создали десятки структур и институтов. Этот срок очень большой для того, чтобы убедиться в том, что есть существенная, системная ошибка. Именно с 2007 года движение остановилось и началась политико-идеологическая стагнация. Что, кстати, очень хорошо отмечается в общественном мнении, которое становится все более оппозиционным по отношению к тандему Д. Медведева — В. Путина.

Подтверждением перехода России в новое состояние стали два программных выступления в начале 2007 года — в Мюнхене — В. Путина и в Давосе — Д. Медведева, которые констатировали, что страна вышла из глубокого кризиса и вернулась в активную мировую политику. Но, вот, **какую** активную политику Россия будет проводить в мире и внутри страны, — этот вопрос остается во многом открытым до сих пор, а ведь прошло более четырех лет! Уверен, что отсутствие результата — вызвано во многом отсутствием **реального сдвига в общественных настроениях и элите по поводу** важнейших мировоззренческих вопросов, одним из которых является **выбор идеологической модели развития**. Налицо политико-идеологическая **стагнация**, которая сдерживает развитие страны последние годы, в т. ч. все идеи модернизации и инноваций.

Эта же стагнация отнюдь не сдерживает достаточно бурных идеологических и политических латентных (скрытых) процессов, которые могут вот-вот вырваться наружу. Как в Тунисе или Египте. Или на Манежной площади. Если властная элита не представит нации масштабный политико-идеологический проект. Заменить его очередной макроэкономической концепцией не удастся.

2. «Стратегия» стагнации 2007–2010 гг.

...это будет первый в нашей истории опыт модернизации, основанной на ценностях и институтах демократии¹⁸.

Д. Медведев

Никакая модернизация не возможна без квалифицированных специалистов, талантливых ученых, без качественного образования и постоянного профессионального обучения¹⁹.

Д. Медведев

Следует признать, что Россия фактически остановилась в своем развитии в 2007–2010 годы, вступила в стойкую фазу стагнации. И не только из-за

того, что Россия хуже других стран перенесла кризис 2008–2010 годов, но и из-за того, что ресурсы экстенсивного развития были окончательно исчерпаны.

Даже рост цен на энергоносители в 2011 году свыше 100 долл. за баррель не исправляет ситуации.

Эта стагнация, как и кризис 2008–2010 годов, объясняются идеологическими причинами. Меньше всего, как ни странно, об этом говорили в России в период кризиса, из которого «выползли» за счет роста цен в 2010 году, дав крошечный прирост в 4%. Итоги развития России последних лет и последнего десятилетия иллюстрирует динамика ИРЧП за последние годы. Так, исследователь МГИМО(У) М. Гебеков, пишет, что с показателем ИРЧП, равным **0,719**, Российская Федерация в Докладе о развитии человека 2010 заняла 65 место, войдя в группу стран с высоким уровнем развития ИРЧП, и находится между Албанией «сверху» и Казахстаном «снизу». В лидирующую пятерку по уровню развития ИРЧП попали: Норвегия, Австралия, Новая Зеландия, США, Ирландия с показателями, равными соответственно: **0,938; 0,937; 0,907; 0,902; 0,895**.

«За весь период исследования показатель ИРЧП РФ (данные за 1990–2010 гг.) в среднем рос на 0,19 % в год и смог достичь уровня 1990 г. только в 2005 г. Наибольшими темпами индекс рос во второй пятилетке двухтысячных годов, когда темпы его роста приблизились к темпам прироста наиболее быстро развивающихся стран (за период с 2005–2010 гг. индекс РФ переместился на три строки вверх, а среднегодовой прирост 2000–2010 гг. — 0,82%)». Хочу подчеркнуть, что при росте цен на нефть и экстенсивной модели роста ВВП. Россия фактически стояла на месте. В это время «...наибольшие успехи в гуманитарном развитии человека добились некоторые страны Западной и Восточной Европы, Северной Америки, Южной и Юго-Восточной Азии, Персидского Залива, Латинской Америки». Хочется обратить внимание, — пишет М. Гебеков, — на Южную Корею, которая переместилась **на 8 строк выше с темпами прироста 1,18% за тот же период**, что отражает стремительный рост качественных составляющих экономики и образования за последние два десятилетия. Прирост ИРЧП Китая за период 1980–2010 гг. составил почти 2%, что является одним из самых высоких показателей, позволил переместиться в рейтинге за последние пять лет на 8 строк вверх и придвинуться вплотную к странам с высоким уровнем развития человеческого потенциала»²⁰.

Причины такого отставания также иллюстрирует ИРЧП. Как и наши слабые стороны: «Россия пока еще значительно опережает все страны БРИК, что связано с большой разницей в количестве населения, уровне образования и доходах на душу населения, однако по уровню долголетия мы уступаем Бразилии и Китаю и лишь не на много опережаем Индию. Также интересно то, что **по средней продолжительности обучения в 2010 г. нас опередили наши ближайшие соседи: Беларусь, Украина, Азербайджан, Казахстан**, не говоря уже о развитых странах, что показывает тенденции в падении уровня образования

в РФ (спасибо А. Фурсенко). Если учесть тот факт, что индекс продолжительности жизни в РФ снижался в период 90-х и стабилизировался на низких уровнях ближе к середине двухтысячных годов, следует отметить, что основной вклад в достаточно высоком росте ИРЧП в период 2000–2010 гг. внес **именно рост индекса доходов на душу населения в РФ, и значительная разница** между рыночным курсом рубля к курсу рубля по ППС, т.е. за счет фактического снижения уровня жизни населения.

Россия остается все эти годы все ещё без внятной идеологии, а, соответственно, и внятной стратегии развития, которых заменили, «модернизация» и «инновации» (а до этого «Стратегия 2020», о которой «забыли» после 2008 года). Вместе с тем нельзя говорить, как это бывало прежде, о шараянии руководства страны от одной системы ценностей к другой. Существует уже некий «ценностной коридор», в рамках которого происходит смена акцентов и уточнение приоритетов, некие «контуры» идеологии, когда **система взглядов** еще не устоялась (из-за политических особенностей, о которых говорилось выше), когда элита в своем большинстве **уже** знает и понимает, что **не надо** делать, но **еще не знает, что**, а, главное, **как** делать. Даже нашумевшая речь Д. Медведева в МИДе в июле 2010 года, когда заговорили о «полном развороте отечественной внешней политики в фарватер Запада»²¹, свидетельствовала о том, что внесенные коррективы — всего лишь очередная попытка Д. Медведева сконцентрировать внимание элиты на модернизации. Стагнация 2007–2010 годов характеризуется отсутствием реально реализуемой стратегией, ее подменной рефлексорными действиями, так называемым «ручным управлением», часто противоречивыми, бессистемными и, как следствие, безрезультативными действиями. «Подушка безопасности», ради которой до 2008 года финансы не инвестировались в экономику, оказалась очередной фантазией либералов».

Нельзя, на мой взгляд, говорить и о том, что у проводимого курса абсолютно нет никаких результатов. Все зависит от того, с чем сравнивать. И тут мой подход совпадает с подходом американского автора М. Адоманис, который считает, что «есть две причины, и обе довольно просты. Во-первых, сами русские смотрят в будущее с все большим оптимизмом, потому что они рожают больше детей, чаще вступают в брак, реже разводятся, дольше живут, меньше попадают в аварии и сталкиваются с несчастными случаями, реже напиваются до смерти, и все реже убивают себя (и друг друга). Снижение преступности и количества самоубийств, а также рост рождаемости, числа браков, продолжительности жизни, что наблюдается в России с 2000 года, и особенно после 2004 года — вот чего можно ждать от общества, которое все больше уверено в себе и делает скромные успехи в социальной и экономической областях. На всем протяжении 1990-х и впервые годы

правления Путина суммарный коэффициент рождаемости твердо установился на уровне 1,2, а затем с 2006 года началось его существенное увеличение (согласно прогнозам, в 2010 году он составит около 1,6, что выше показателей большинства стран Центральной и Восточной Европы).

Во-вторых, и это, наверное, даже более важная причина, чем первая, в 1990-е годы ситуация была настолько ужасной, настолько катастрофической, столь непостижимо страшной и мрачной, что ниже опускаться было уже некуда, можно было только идти вверх. Многие западные представители до сих пор не осознают всю глубину падения России вместе с коммунизмом, потому что анализ краха общества крайне сложен и часто приводит в замешательство»²².

Но если взять период 2007–2010 годов, то ссылаться на такое сравнение уже нельзя. Пик 2007 года оказался пиком не только политики «прагматизма» В. Путина, но и тандема В. Путина — Д. Медведева. Далее ситуация — и общественная, и социально-экономическая — развивалась уже по нисходящей или, если так можно сказать, стагнирующей кривой. Повторю, что кризис 2008–2010 годов не объясняет в целом и окончательно причин этой стагнации, которые кроются в том, что модель экстенсивного развития России была исчерпана еще до кризиса.

Конечно же были и позитивные моменты в этот период развития страны, но они не объясняются управляющим воздействием элиты, скорее, действовали вопреки. Нельзя, например, игнорировать тот факт, что в самой запущенной сфере — информационных технологий — РАН готов закончить суперкомпьютер, производительностью в тысячу триллионов операций, для которого создали самые экономичные алгоритмы²³. Но подобные примеры являются скорее исключением, чем положительной тенденцией. Общее отношение к образованию в 2007–2011 годы, безусловно, сказалось и на его качестве, и на информатизации в целом. Тем более, что между ними обнаружилась прямая зависимость. Как признают эксперты ИНСОР, исследования показали, что уровень развития **ИКТ в значительной степени коррелирует с численностью студентов**. В силу сложившейся образовательной инфраструктуры и особого статуса Москва и Санкт-Петербург служат центрами притяжения студентов из других субъектов РФ. В Санкт-Петербурге на 1000 жителей приходится 98,5 студента, в то время как Ленинградская область по числу студентов занимает 81-е место, опережая лишь Ненецкий и Чукотский АО. В итоге, несмотря на достаточно высокую численность исследователей в составе рабочей силы (26-я строка в рейтинге субъектов РФ), Ленинградская область оказалась на одном из последних мест по уровню развития человеческого капитала» (рис. 7)²⁴.

Эта же «стратегия» стагнации продолжалась уже и по завершении кризиса. Казалось бы, нужно было сделать выводы, но инерция стагнации продолжалась уже когда кризис завершался, а именно в 2010 году. Так, в Бюджетном послании на 2011–2013 годы президент России включил в число приоритетных задач (пятой по счету и последней по приоритетности) задачу «повышения качества человеческого потенциала», которую он конкретизировал следующим образом:

«Никакая модернизация не возможна без квалифицированных специалистов, талантливых ученых, без качественного образования и постоянного профессионального обучения.

Необходимо стремиться к росту научного потенциала нашей страны, накоплению объектов интеллектуальной собственности, обеспечению в этих целях преемственности поколений в сфере научных исследований и технологических разработок, привлечения и закрепления в ней молодежи.

Помимо развития собственных научных школ, следует уделять внимание привлечению высококвалифицированных иностранных специалистов, а также способствовать повышению квалификации российских специалистов в зарубежных учебных заведениях»²⁵.

Этот дежурный реверанс в сторону НЧП президентом оказался не подкрепленным реально ни финансами, ни административно. Даже хуже,

лишь финансовыми, ни административно. Даже хуже,

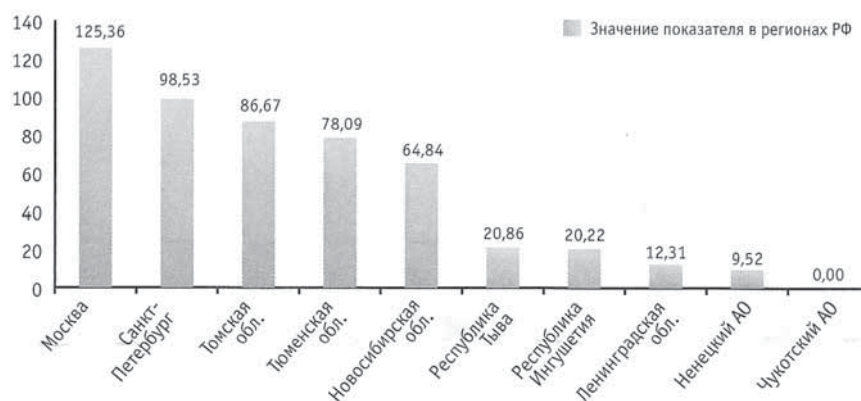

Рис. 7. Наибольшие и наименьшие значения показателя числа студентов на 1000 человек населения у регионов России, начало 2007/2008 уч. г.

финансирование компонентов НЧП в 2011 году фактически сократилось (с учетом инфляции), т. е. ситуация на 2011 год сохранилась в том же положении, как и в предыдущие годы.

Это видно на примере деградирующего образования: сокращение продолжительности образования, даже кризис во всей системе образования России в 2010–2011 годы резко контрастирует с оценкой приоритетов Д. Медведевым в Бюджетном послании: «Серьезнейшее внимание должно быть уделено как образованию, так и улучшению здоровья граждан, формированию здорового образа жизни, созданию условий для повышения трудовой и творческой активности»²⁶.

Внешнее, публичное внимание к приоритетам НЧП оказывается не подкрепленным реальной политикой и стратегией в 2007–2010 годы. Вместе с тем отражает внимание, что в этой среднесрочной (на три года) постановке задач Д. Медведевым ясно расставлены приоритеты, которые свидетельствуют о его **действительном понимании** роли бюджетной политики государства:

- во-первых, обеспечение макроэкономической стабильности...;
- во-вторых, координация долгосрочного стратегического и бюджетного планирования...;
- в-третьих, разработка инструментов поддержки инноваций;
- в-четвертых, (!) развитие человеческого потенциала...²⁷.

Таким образом, созданная им в бюджетном послании модель модернизации рассматривает НЧП лишь как **одну из важных задач**, требующих решение (причем на пятом месте по приоритетности), в то время как, на мой взгляд, это должно стать **целью модернизации**. «Пятый» приоритет, особенно после пресловутого приоритета макроэкономической

стабильности, означает, что в реальности развитие НЧП **не находится** в системе приоритетов вообще. Точнее, — о нем знают, может быть, даже понимают его значение, но реальное политическое и финансовое внимание достается «по остаточному принципу».

Для того, чтобы преодолеть инерцию «стратегии» стагнации необходимо превратить приоритет развития НЧП в реальный, самый важный приоритет и стратегическую цель.

В этом случае решение остальных задач обеспечивают достижение этой цели. Так, обеспечение макроэкономической стабильности важно не само по себе (опыт показывает, что и в условиях инфляции и роста госдолга, как в США, такое развитие очень даже возможно), а постольку поскольку **это способствует** развитию человеческого потенциала. Жаль, что заклинания по поводу макроэкономической стабильности, которыми сопровождается весь период правления В. Путина и Д. Медведева, ни к чему хорошему так и не привели. Более того, политика макроэкономической стабилизации в реальности привела к тому, что за последние 20 лет НЧП России в целом **ухудшился** относительно ведущих стран мира. Его более чем скромный рост в 2005–2010 годы можно назвать стагнацией.

Между тем, если мы хотим быстрого (опережающего) качественного роста экономики, инновации, роста доходов, наконец, то инвестировать надо, как уже говорилось выше, прежде всего национальный человеческий потенциал.

Национальный человеческий потенциал является самостоятельным и сложным интенсивным фактором развития, собственно, фундаментом роста ВВП в сочетании с инновациями и высокими технологиями в современных условиях. Важнейшими его компонентами в последнее десятилетие выступают наука, образование и информационно-коммуника-

Рис. 8. Структура подындекса «человеческий капитал»

ционные технологии. Причем, подчеркну, имеющие национальное происхождение. Так, эксперты ИНСОР выделили этот компонент в специальный подындекс НЧП²⁸ от которого во многом зависело развитие НЧП в 2007–2010 годы.

В этой отрасли можно было ожидать быстрого промышленного и научно-технического роста. Как минимум, 35–40% в год. Но этого не произошло из-за того, что все указанные выше переменные практически не росли, а некоторые (также, как доля исследователей) даже существенно сокращались. Попытки Д. Медведева внедрить в 2007–2010 годы в школы широкополосный Интернет в рамках ПНП «Образование» были, как он сам говорил «пилотным проектом», давшим неплохой результат, но не всей отрасли ИКТ, а тем более науки и образованию в целом, отразились слабо.

Отличие такого сложного интенсивного фактора как НЧП от природных ресурсов, классического труда и обычного капитала состоит в необходимости постоянных повышенных инвестиций в него и существование значительного временного лага в отдаче от этих инвестиционных вложений. Эта понимают на Западе, где в развитых странах мира в последние годы в человеческий капитал вкладывалось более 70% всех средств, а в физический капитал — только около 30%.

Причем, **основную долю инвестиций в человеческий капитал в передовых странах мира осуществляет и стимулирует государство**. И именно в этом состоит одна из **его важнейших функций в части государственного регулирования экономики**, т. е. приоритеты бюджетов расставлены именно таким образом. Так, в «Стратегии национальной безопасности США от 2010 года, Б. Обама выделил в качестве главного приоритета США образование и привлечение иностранных специалистов из-за рубежа. Это решение явилось **продолжением стратегии США последних трех десятилетий, причем, подчеркну, в рамках именно национальной стратегии**»²⁹.

Анализ процессов смены технологических укладов экономики и типов общественного устройства показывает, что человеческий капитал, циклы его роста и развития являются главными факторами генерации инновационных волн развития и циклического развития мировой экономики и общества. Что не поняла российская элита в 2007–2010 годах. Особенно важно это признание в период «фазового перехода» человечества из одного состояния в другое. Этот качественный переход не означает только нового этапа научно-технической революции, но и смены мировоззренческих и идеологических моделей, экономических укладов, даже изменений в психической и физиологической областях.

При низком уровне и качестве человеческого капитала инвестиции в высокотехнологичные отрасли **не дают отдачи**. Собственно к такому выводу в конечном счете и пришли в 2010 году. Сравнительно быстрые успехи финнов, ирландцев, японцев, китайцев, корейцев, новых европейских развитых стран

(Ирландия, Греция, Испания, Португалия) подтверждают вывод о том, что фундаментом для формирования человеческого капитала является **высокая национальная культура основной массы населения этих стран**, темпы развития образования. Это особенно заметно на Ирландии, которая за 20 лет превратилась из отсталой страны в мирового лидера по ИРЧП. До этого, сделав главным приоритетом образование, такой же путь прошли США.

Стоимость национального человеческого капитала стран мира на базе затратного метода оценили специалисты Всемирного банка. Вновь хочу обратить внимание на определение «национальный».

Использовались оценки составляющих ЧК по затратам государства, семей, предпринимателей и разных фондов. Они позволяют определить текущие ежегодные затраты общества на воспроизводство национального человеческого капитала. Так, в США стоимость национального человеческого капитала в конце XX века составляла 95 трлн долл. или 77% национального богатства (НБ) и 26% всего мирового итога стоимости ЧК. Это существенно выше, чем доля США в мировом ВВП (20%). Всего же стоимость мирового ЧК составила 365 трлн долл. или 66% мирового богатства, или 384% к уровню США.

Для Китая эти показатели составляют: 25 трлн долл., 77% от всего национального богатства (НБ), 7% мирового ЧК и 26% — к уровню США. Для Бразилии соответственно: 9 трлн долл.; 74%, 2% и 9%. Для Индии: 7 трлн; 58%, 2%; 7%.

Для России показатели равны: 30 трлн долл.; 50% — национального богатства; 8% — мирового ЧК; 32% — по отношению к США. Примечательно, что по НЧП Россия отстает от США в 3 раза, а по ВВП — в 10 раз!

На долю стран «семерки» и ЕЭС на расчетный период приходилось 59% мирового ЧК, что составляет 78% от их национального богатства.

Таким образом национальный человеческий капитал в большинстве стран превышал половину накопленного национального богатства (исключение — страны ОПЕК). На процентную (относительную) долю ЧК существенно влияет стоимость природных ресурсов. В частности, для России доля стоимости природных ресурсов сравнительно велика, что объективно снижает долю НЧК России, но не является главной причиной низкого уровня НСК относительно других стран. Скорее — это огромный резерв, с помощью которого можно ускоренно развивать НЧП. Если, конечно, это понимает и хочет делать правящая элита.

Период 2007–2010 годов показал, что они этого не понимают и делать не хотят. Огромные средства, полученные от экспорта сырья, вкладывались в фонды, выделялись для стабилизации финансовой системы, но лишь по остаточному принципу вкладывались в НЧП. При том, что накопленное недоинвестирование в 1990–2005 годы в НЧП уже составляло

огромный реальный долг перед НЧП, прежде всего в области науки, образования и культуры.

Основная часть мирового человеческого капитала сегодня сосредоточена в развитых странах мира. Это связано с тем, что инвестиции в ЧК в последние полвека в этих странах значительно опережают инвестиции в физический капитал. В США соотношение «инвестиций в человека» и производственных инвестиций (социальные расходы на образование, здравоохранение и социальное обеспечение в % к производственным инвестициям) в 1970 году составляло 194%, в 1990 году 318%. В 2005 году инвестиции в НЧП США из бюджета превысили 50%.

Известно, что Россия не входит в число стран-лидеров по ИРЧП, поэтому сравнивать ее можно лишь с теми странами, которые входят в ее подгруппу. Если мы посмотрим на динамику изменения ИРЧП России и этого индекса других стран подгруппы, то увидим, что с 1990 года по 1995 год наблюдался обвал индекса, который удалось почти преодолеть лишь к 2007 году. При том, что среднесрочный прирост индекса был практически отрицательным.

Позже, после 2007 года, среднесрочный прирост стал немного положительным, что позволило России подняться с 73-го места в 2007 году до 65-го — в 2010. Но вызвано это было не реальным ростом, а преодолением того обвала, который произошел в 1990-е

годы. В целом же долгосрочная тенденция за 20 лет означает стагнацию. Что выражается как в отсутствии роста ИРЧП, так и сохранением за Россией места в своей группе стран, которые по всем показателям относят не к развитым, а развивающимся государствам (см. табл. 2).

Россию опережают не только Панама, Болгария и Румыния, но и Черногория и Албания.

2007–2010 годы не стали, к сожалению, для России ни рывком в ее развитии, ни даже развитием вообще. Что свидетельствует об очень многом, но прежде всего о неэффективности ее стратегии, разработанной неолибералами. «Стратегия–2020», принятая в марте 2008 года, как и множество других стратегий и концепций, оказались не просто формальными документами, а не реальными стратегиями, но и были проигнорированы в последующем. В качестве реально действующей стратегии оказалась «стратегия стагнации» или очередного застоя, которая иллюстрируется прежде всего застоем в ИРЧП России на уровне 2007 года.

Предпринятые Д. Медведевым и В. Путиным в конце 2010 и начале 2011 года попытки вырваться из застоя, вряд ли будут успешны. Прежде всего потому, что «новую» стратегию будут готовить те же авторы, которые готовили все предыдущие стратегии, в т. ч. «стратегию стагнации».

Табл. 2. Тенденции развития индекса человеческого потенциала³⁰ до кризиса 2008 г.

Рейтинг страны по ИРЧП	1980	1985	1990	1995	2000	2005	2006	2007	Рейтинг	Изменение в рейтинге	Уровень среднего годового прироста (%)			
											Долгосрочное	Среднесрочное	Краткосрочное	
														1980–2007
...														
60 Панама	0,759	0,769	0,765	0,784	0,811	0,829	0,834	0,840	61	1		0,38	0,55	0,50
61 Болгария					0,803	0,829	0,835	0,840	59	-2				0,65
62 Сент-Китс и Невис						0,831	0,835	0,838	60	-2				
63 Румыния			0,786	0,780	0,788	0,824	0,832	0,837	64	1			0,37	0,87
64 Тринидад и Тобаго	0,794	0,791	0,796	0,797	0,806	0,825	0,832	0,837	63	-1		0,19	0,30	0,53
65 Черногория					0,815	0,823	0,828	0,834	65	0				0,34
66 Малайзия	0,666	0,689	0,737	0,767	0,797	0,821	0,825	0,829	66	0		0,81	0,69	0,56
67 Сербия					0,797	0,817	0,821	0,826	67	0				0,51
68 Беларусь			0,795	0,760	0,786	0,812	0,819	0,826	69	1			0,22	0,70
69 Сент-Люсия						0,817	0,821	0,821	68	-1				
70 Албания					0,784	0,811	0,814	0,818	70	0				0,61
71 Российская Федерация			0,821	0,777		0,804	0,811	0,817	73	2			-0,03	
72 Бывшая Югославская Респ. Македония				0,782	0,800	0,810	0,813	0,817	72	0				0,30

Рейтинг страны по ИРЧП	1980	1985	1990	1995	2000	2005	2006	2007	Рейтинг	Изменение в рейтинге	Уровень среднего годового прироста (%)		
											Долгосрочное	Среднесрочное	Краткосрочное
											1980–2007	1990–2007	2000–2007
73 Доминика						0,814	0,814	0,814	71	–2			
74 Гренада						0,812	0,810	0,813	74	0			
75 Бразилия	0,685	0,694	0,710	0,734	0,790	0,805	0,808	0,813	75	0	0,63	0,79	0,41
76 Босния и Герцеговина						0,803	0,807	0,812	76	0			
77 Колумбия	0,688	0,698	0,715	0,757	0,772	0,795	0,800	0,807	82	5	0,59	0,71	0,63
78 Перу	0,687	0,703	0,708	0,744	0,771	0,791	0,799	0,806	83	5	0,59	0,76	0,63
79 Турция	0,628	0,674	0,705	0,730	0,758	0,796	0,802	0,806	78	–1	0,93	0,79	0,87
80 Эквадор	0,709	0,723	0,744	0,758			0,805	0,806	77	–3	0,48	0,47	
81 Маврикий			0,718	0,735	0,770	0,797	0,801	0,804	79	–2		0,67	0,63
82 Казахстан			0,778	0,730	0,747	0,794	0,800	0,804	81	–1		0,20	1,05
83 Ливан						0,800	0,800	0,803	80	–3			
СТРАНЫ СО СРЕДНИМ УРОВНЕМ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА													
84 Армения			0,731	0,693	0,738	0,777	0,787	0,798	85	1		0,51	1,12
85 Украина					0,754	0,783	0,789	0,796	84	–1			0,76
86 Азербайджан					0,755	0,773	0,787		88	2			
...													

3. Основная причина «Стратегии» стагнации 2007–2010 годов

Наша стратегия начинается с признания того, что наша сила и влияние за рубежом начинаются с шагов, которые мы предпринимает у себя дома³¹.

Б. Обама

Основная причина стагнации в развитии России 2008–2012 годов отнюдь не только мировой экономической кризис, который затронул в той или иной степени все страны, но Россию все-таки в большей мере, что отразилось 8 процентным падением ВВП, а пренебрежение российской правящей элитой приоритета развития **национального человеческого потенциала**.

Правящие финансово-экономические власти категорически не признают ни систему национальных интересов и ценностей, ни значение НЧП. Они продолжают, как и в 90-е годы, управлять экономикой и финансами страны, не подпуская к решению этих вопросов даже политическое руководство. Они являются яркими сторонниками неолиберальной модели развития, не допуская необходимости ее смены.

Очень важно наметить контуры будущей модели, хотя в ее восприятии немало принципиальных расхождений в элите. Еще до кризиса часть элиты

стала понимать бесперспективность неолиберальной модели развития и в 2006 году в этом вопросе наметились вполне определенные сдвиги в пользу «почвенической», или «имперской» модели. Как отмечали в начале 2007 года социологи, примерно поровну раскололось общественное мнение при ответе на вопрос о взаимоотношении российской и европейской цивилизации. Поддерживаемая западниками точка зрения, согласно которой «Россия — часть Европы и в XXI веке их судьбы будут все теснее переплетаться», находила поддержку 38% россиян.

Альтернативная точка зрения, поддерживаемая «почвенниками», согласно которой «Россия не является в полной мере европейской страной и никогда не сможет стать частью Европы», разделяли 45% россиян. Таким образом, вечный спор между западниками и почвенниками, проходящий через всю историю общественной мысли России, остается актуальным и сегодня³². Стагнация 2007–2010 годов была во многом следствием того, что неолиберальный